

ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ

АЛЬМАНАХ

IV

Редактор-издатель
Р. Н. ГРИНБЕРГ

НЬЮ ИОРК
1 9 6 5

Парадоксы звукописи

Многие современные литературоведы любят подсчитывать звуковые повторы в стихах, а иногда и в прозе. Этим занимались еще Брюсов, Якубинский, Брик и др. Кое-кто придает слишком большое значение расположению созвучий, напр., размещению их в начале и в конце строки (*Не плачь. Ужасен вид твоей печали*). На самом деле всего существеннее близость или «теснота» повторов (Ю. Тынянов, *Проблема стихотворного языка*). Только тогда звуки привлекают слуховое внимание.

В чем же, однако, функция звуковых повторений? Здесь дается много ответов, но полной ясности нет. Одно очевидно: звучание в поэтическом языке как-то меняет обычное значение слов и предложений. Об этом недавно писал В. В. Вейдле в замечательной статье «О смысле стихов», (*Новый Журнал* 77). Ему, действительно, удалось «пролить свет» в эту темную область поэтики. Впрочем, едва ли можно и едва ли нужно всё в поэзии прояснять: истинное искусство не поддается точным определениям. Это хорошо знает и В. В. Вейдле: свою статью он закончил не исчерпывающей формулировкой, а волшебной цитатой из стихотворения Игоря Чиннова.

Я тоже никакого точного определения дать не могу (и не хочу), но хотел бы поделиться некоторыми наблюдениями, кое-какими гипотезами, даже догадками, фантазиями.

В строфе, не включенной в основной текст второй главы *Евгения Онегина*, Пушкин признается:

Бывал готов я в прежни лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?

Тон — иронический, шуточный, но последний стих звучит как-то упоительно нежно, будто это объяснение в любви: все эти *лэ-ля-ли-лэ, ва-ва* (Налево ляжет ли валет). Может быть, здесь передается чувство игрока, «влюбленного» в карты? И именно поэтому он подбирает какие то сладостные звуки?

А читатель? Я не игрок, но стих этот застрял в памяти, он почему-то *бормочется* и связывается с неясными сладостными мечтаниями... Так или иначе, звучание изменило основной смысл фразы или же придало ей какое-то новое, неожиданное значение.

Другой пример: Когда за городом задумчив я брожу... Это стихотворение Пушкин написал в августе 1836 г., всего за несколько месяцев до смерти. На петербургском «публичном кладбище» всё его возмущает: эти сомнительные претензии на роскошь, «дешевого резца нелепые затеи», надписи в стихах и прозе

О добродетели, о службе и чинах...

Это тройное перечисление, по конструкции, напоминает другой пушкинский стих:

О Шиллере, о славе, о любви...
(19-го октября 1825 г.).

Но какая разница: вместо пафоса юности ирония зрелости! Следующие за этим стихи:

По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны...

Строки эти уже не иронические, а негодующие, как будто это сатира.

Что здесь более всего поражает? — Резкий контраст между словами грубыми (рогач), прозаическими (воры) и словами поэтическими (в рифме — амурный — урны); но поражает и яркое звучание, все эти великолепные *р, м, н*, а также *с, в* (здесь почти сплошная эффения); и у читателя создается впечатление, что «сатирический» гнев поэта переходит в лирическое восхищение, и в его негодовании слышится упоение!

Это парадоксы звукописи, парадоксы поэтического языка. Звуки что-то меняют не только в материале, в содержании, но и в эмоциональной окраске речи: черное становится белым, но, вместе с тем, чернота не совсем растворяется в белизне! Это значит: измена, воровство могут вызывать возмущение, но именно из этих фактов и из вызванного ими негодования создается упоительная волшебная гармония.

Итак, *благодаря звучанию* всё приобретает какой-то новый, дополнительный — магический смысл, не уничтожающий, однако, буквального или первоначального смысла поэтической речи.

Третий пример — из стихотворения Осипа Мандельштама об Ариосто и его неистовом Роландо (1933 г.):

Он завирается с Роландом куролеса,
И содрогается, преображаясь весь.

В первом стихе творческая «игра» итальянского поэта описывается просторечивым глаголом *завираться* и глаголом бурсацким *куролесить* (юмористическим производным от византийского церковного возгласа *Кириэ элейсон*, Господи помилуй!) Тон — легкий, шуточный. А следующий стих — патетический, и здесь пафос передается глаголами литературными или книжными — *содрогаться*, *преображаться*. И вся эта мешанина (или стилистическая полифония) глаголов низких и высоких включает яркие звуковые повторы *ра́, арла́, ра, дра, бра*. Опять *благодаря звучанию* совершается превращение иронии и пафоса в нечто новое, в поэтическое волшебство; и это волшебство не исключает ни иронии, ни пафоса, не имеет и свое особое магическое качество.

Зачем всё это? Только ли это игра смысловых и звуковых признаков, сочетаний? Да, конечно, игра. Поэт и всякий вообще художник, есть человек играющий (*Homo Ludens*, по выражению Хойсинги). Но возможно и другое объяснение. Вот оно. Поэт не может принимать всего в жизни всерьез, весь этот сырой материал — среду, быт, а также чувства, не только чужие, но и свои собственные, будь то азарт, негодование, даже вдохновение. Из всего этого «сырья» ему хочется сделать что-то совсем другое — легкое, чистое, райское. При этом, земле, земному он не изменяет и изменить не может, он ее сын и несколько не лучше других ее сыновей (И меж детей ничтожных мира / Быть может, всех ничтожней он). Поэт вносит в поэзию всё, что угодно, и домашний скарб, и домашние дразги, а не только мечтания, «романтику». И вот происходит нечто странное, может быть, чудо: разные пустяки, карточные валеты, наравне с «последними вещами человека», вдруг распевают какие-то райские песни!

Раз на земле нет, и едва ли он здесь будет, но волшебные звуки иногда кажутся залогом того, что рай, «утопия», «идеал», а также и поэзия могут быть сделаны из какой-то ерунды, чуть ли не из любого «сырья», из каждого случайного настрое-

ния. Здесь поневоле вспоминаются прекрасные строки Анны Ахматовой:

Когда бы знали, из какого сора
 Растут стихи, не ведая стыда,
 Как желтый одуванчик у забора,
 Как лопухи и лебеда...

(1940 г.)

Если уж фантазировать, то можно было бы сказать: в раю будут не только ангелы, диковинные кущи и яблоки, не только магометанские гурии, но и бытовые прелести вроде самовара, варенья! И, кто знает, пожалуй, будет и совсем другое, может быть, убийства! Вместе с тем, всё будет совсем иначе, как в звуковой гармонии Пушкина или Мандельштама... Проигравшиеся в карты самоубийцы или соперники, убитые «рогачами», опять воскреснут для какой-то новой игры! И уж, конечно, можно будет сколько угодно завираться и куролесить, и любая забава будет преображаться во всё, что угодно...

В заключение спустимся из рая на землю и закончим тем, с чего начали:

Налево ляжет ли валет?

Конечно, этот стих можно вспомнить у зеленого стола в Спа или в Рено, но и не только там, — вообще вне всякой связи с карточной игрой, а в какую-то счастливую минуту или секунду упоения, блаженства. Я опять повторяю: разумеется, в этом сладостном стихе речь идет о переживаниях игрока, но есть в этих словах-звучах еще что-то, есть волшебная прелесть, очаровывающая не одних только картежников, есть — искусство, поэзия.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
<i>От редакции</i>	3
<i>Борис Пастернак</i> — Наброски к фантазии «Поэма о ближнем»	7

ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Анна Ахматова</i> — Амедео Модильяни	15
<i>Анна Ахматова</i> — Мандельштам	23
<i>Елена Тагер</i> — Стихи	44
<i>Елена Тагер</i> — Две записки	51
<i>Иосиф Бродский</i> — Стихи	55
<i>Галина Кузнецова</i> — Грасс-Париж-Стокгольм	72
<i>Владислав Ходасевич</i> — Младенчество	100
<i>Владислав Ходасевич</i> — Из черновиков	120
<i>Самуил Вермель</i> — Мейерхольд	126

ФИЛОСОФСКИЕ ТЕМЫ

<i>Лев Шестов</i> — Итоги и комментарии	139
<i>Юлий Марголин</i> — К диалектике мифологического мышления	144
<i>Иван Елагин</i> — Стихи	154
<i>Артур Лурье</i> — Феномен и ноумен в музыке	158
<i>Осип Мандельштам</i> — Стихи	162
<i>Николай Ульянов</i> — Шестая печать	167

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Владимир Вейдле</i> — О любви к стихам	179
<i>Владимир Вейдле</i> — Стихи	192
<i>Леон Штильман</i> — Невесты, женихи и свахи	198
<i>Игорь Чиннов</i> — Стихи	212
<i>Борис Филиппов</i> — Николай Клюев	216
<i>Юрий Иваск</i> — Парадоксы звукописи	232
<i>Михаил Русалкин</i> — Стихи	236
<i>Федор Степун</i> — Историческое и политическое миросозерцание А. Блока	241
<i>Филипп Радле</i> — Ходасевич — поэт гротеска	256

ПИСЬМА

<i>Письма В. Д. Набокова</i> из Крестов к жене. 1908 г.	265
---	-----

ДОКУМЕНТ

<i>Стенографический отчет процесса Иосифа Бродского</i>	279
---	-----

ПОРТРЕТЫ

<i>Б. Пастернак, А. Ахматова, В. Мейерхольд</i>	161
---	-----